

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.32>

Поповичева Ирина Викторовна

НАЗВАНИЯ ДЕТСКИХ ИГР В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ "СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ")

На материале "Словаря русских народных говоров" в статье рассматриваются народные названия детских игр. Констатируется, что многочисленность лексической группы "Названия детских игр" в русских говорах определяют синонимические параллели и многообразие народной игровой культуры. Делаются выводы о том, что лексическая, фонематическая, словообразовательная вариативность диалектных номинаций игр обусловлена принадлежностью к разным историко-диалектным зонам и к разговорному реестру бытования. Также анализ слов группы показал: народным названиям детских игр свойственны яркая образность, метафоричность, семантическая мотивированность (действиями, персонажами, предметами, атрибутами игры), в диалектной речи - ограниченность в образовании грамматических форм и синтагматических связей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/11-2/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(89). Ч. 2. С. 377-381. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1'28

Дата поступления рукописи: 17.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.32>

На материале «Словаря русских народных говоров» в статье рассматриваются народные названия детских игр. Констатируется, что многочисленность лексической группы «Названия детских игр» в русских говорах определяют синонимические параллели и многообразие народной игровой культуры. Делаются выводы о том, что лексическая, фонематическая, словообразовательная вариативность диалектных номинаций игр обусловлена принадлежностью к разным историко-диалектным зонам и к разговорному реестру бытования. Также анализ слов группы показал: народным названиям детских игр свойственны яркая образность, метафоричность, семантическая мотивированность (действиями, персонажами, предметами, атрибутами игры), в диалектной речи – ограниченность в образовании грамматических форм и синтагматических связей.

Ключевые слова и фразы: детские народные игры; русские говоры; диалектные названия детских игр; семантическая мотивированность; диалектная вариативность.

Поповичева Ирина Викторовна, к. филол. н., доцент
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
irinapopovicheva@mail.ru

НАЗВАНИЯ ДЕТСКИХ ИГР В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»)

В диалектном лексиконе «детская» тема представлена разнообразно и репрезентирована в многочисленных лексических кластерах семантического поля «Ребенок». В состав данного лексического массива входят не только номинации ребенка/детей по различным признакам (возрасту, полу, положению в семейной и общественной иерархии, особенностям внешности, характера, поведения) [13], но и «единицы, называющие элементы мира детства: наименования игр и игрушек, видов досуга и трудовой деятельности, предметов “детского” быта, пищи, болезней и др.» [18, с. 24].

По количественному признаку маркирует тему игровая лексика: названия игр, их участников, действий, атрибутов. Это и объяснимо: игра была и остается неотъемлемой частью жизни детей, основной формой проявления духовной жизни, фантазии и словотворчества ребенка.

Цель данной статьи – на материале «Словаря русских народных говоров» (Вып. 1-47) представить анализ лингвистических особенностей диалектных названий детских игр. Достижение цели предопределило задачи: 1) изучения информативности диалектного словника с точки зрения репрезентации в нем сведений о детской игровой культуре; 2) установления мотивационных, семантико-грамматических, ареальных связей исследуемых словарных единиц. Новизна публикации определяется обширностью лексического материала и исследовательским подходом, в основе которого – обращение к диалектному лексикону как источнику реконструкции истории повседневности, традиций и лингвокультуры сельского населения России. Актуальность обоснована необходимостью сохранения исторической памяти народа и связана с развитием таких научных направлений, как диалектная лексикология, российское крестьяноведение, этнопедагогика.

В качестве предварительных замечаний следует отметить, что игра, наряду с ритуально-обрядовыми и фольклорными традициями, является важнейшим элементом духовной культуры любого этноса, поэтому народные русские игры, в том числе и детские, отражены в многочисленных историко-этнографических описаниях, работах культурологов, фольклористов, диалектологов, педагогов (А. Ф. Можаровский, Е. А. Покровский, А. В. Терещенко, М. М. Громыко, Т. А. Бернштам, И. И. Шангина, И. А. Морозов, И. С. Слепцова, З. З. Мухина, В. П. Аникин, М. Н. Мельников, М. В. Гаврилова, Г. А. Баудер, А. И. Печникова, Т. В. Бахвалова, Ж. К. Гапонова, Р. А. Лахин и др.).

Исследователи разных научных направлений единодушны во мнении, что традиционные игры были важнейшим способом социализации, взросления, становления личности, имели большое воспитательное и развивающее значение. «На протяжении тысячелетий игра была незаменимым и почти единственным средством физической, военной и умственной подготовки детей, средством нравственного и эстетического воспитания. <...> Без преувеличения можно сказать, что детские игры – одно из величайших достижений народного педагогического гения», – писал известный знаток русского детского фольклора М. Н. Мельников [8, с. 105-106].

В работах по крестьяноведению отмечается важность игровой культуры в процессе социализации и подготовки подрастающего поколения к будущей трудовой деятельности. Именно в играх начиналось знакомство детей с крестьянскими работами, семейными и общественными отношениями: дети наблюдали за занятиями старших и в игровой форме имитировали многие трудовые процессы и ситуации из жизни семьи и деревенских традиций (см., например [11, с. 251-252]). Кроме того, традиционные детские игры в социокультурной организации жизни крестьянской общины выполняли функцию контроля, так как были обычно коллективными, соответствовали правилам и нормам игрового поведения, в отличие, например, от детских шалостей, которые обоснованно осуждались взрослыми [14, с. 114]. Контролирующую функцию в играх выполняли более взрослые дети, с раннего детства приученные заботиться о младших [15].

Многочисленные описания детской игровой культуры свидетельствуют о богатом репертуаре народных детских игр. Это состязательные игры, сюжетно-ролевые (или драматизированные), хороводные, домашние, зимние и т.д. Состязательные игры (*лапта, городки, чижик, чехарда, сало, горелки, пятнашки* и т.п. [1; 12]) способствовали полноценному физическому развитию детей, тренировали силу, ловкость, быстроту реакции, находчивость. В играх такого типа часто использовались всевозможные шары, мячи (из дерева, кожи, тряпок или бересты), палки для бросания, биты из прочного и легкого дерева, скакалки-веревочки, разнообразные камушки, осколки битой глиняной посуды, палочки, платки, ремни и т.д. В сюжетно-ролевых играх дети по определенному сценарию разыгрывали сценки («*Горишки*», «*Коришун*» и т.п. [Там же]) или, импровизируя, воспроизводили жизнь семьи, деревни, взаимоотношения людей друг с другом и с окружающим миром. Драматические игры девочек и мальчиков отличались своим содержанием: мальчики разыгрывали сцены охоты на животных и птиц, сражения с разбойниками, врагами; любимой игрой девочек повсеместно были «*дочки-матери*», «*свадьба*», «*семья*» [1, с. 136-147; 9, с. 194]. В хороводных играх («*Лен*», «*Просо*» и т.п.) игровое действие представляло собой ритмический способ передвижения нескольких человек под песню или речитативный приговор [1, с. 448-454]. Как и большинство других игр, хороводы унаследованы детьми от взрослых, но перешли в детский репертуар в упрощенном виде [8, с. 105]. Многие игры совмещали элементы сюжетных, состязательных, хороводных действий («*Заинька*», «*Кошка и мышка*», «*У медведя на бору*» и т.п. [1; 12]).

Игры всех типов хорошо описаны в литературе справочного, дидактического, научного и научно-популярного характера. Для удобства формирования номенклатурного перечня и классификации детских народных игр авторы обычно используют общепринятые названия (*горелки, лапта, жмурки, клюшкова-ние* и т.п.) или указанные в первоисточниках («*Гуси-лебеди*», «*У медведя на бору*», «*Репка*», «*Зайчик*», «*Горишки*» и т.п.), среди которых особую ценность представляют работы Е. А. Покровского [12], В. Н. Всеволодского-Гернгросса, В. С. Ковалевой, Е. И. Степановой [7], И. И. Шангиной [19], И. С. Слепцовой, И. А. Морозова [10; 16], а также архивные фонды фольклорных и этнографических материалов.

В диалектных словарях данные названия игр могут не встречаться или быть зарегистрированными в форме, максимально соответствующей аутентичной диалектной коммуникации (*клю'чка* – детская игра в шар с клюшками. *Играть в ключки*. Енис.¹, Иркут. [17, вып. 13, с. 325]; *реды'ш* – детская игра, при которой дети изображают из себя редьку. Липец., Ворон. [Там же, вып. 30, с. 22]). Но названия детских игр из словариков диалектных словарей представляют несомненный интерес для изучения традиционной игровой культуры русского народа и позволяют сделать некоторые обобщения и выводы о лингвистических особенностях слов данной лексико-семантической группы. Основанием для отнесенности игры к группе 'детских' правомерно считать: 1) указание в словарной дефиниции 'детская игра' (*ботыка'ла* – детская игра. Волог. [Там же, вып. 5, с. 163]); 2) иллюстрирующий словоупотребление контекстный пример (*панок'к* – игра в городки. *В панок дети играют, эта така игра в городок*. Урал., Калуж. [Там же, вып. 25, с. 197]); 3) общеизвестный факт (например, с середины XIX века прочно вошли в детский игровой репертуар *жмурки, прятки, салки*, некогда пользовавшиеся популярностью у взрослых [8, с. 106]). Исходя из этого, более 300 лексических единиц из «Словаря русских народных говоров» (Вып. 1-47) – наиболее полного собрания диалектных слов – могут быть отнесены к группе названий детских игр.

Количественная представительность группы обусловлена интралингвистическими и экстралингвистическими факторами. Так, создают многочисленные ряды диалектных названий общеизвестных игр синонимические соответствия (например: *воспряту'шки* (Вят.), *зулю'чи* (Влад., Новг.), *гали'* (Олон., Яросл., Новг.), *корони'чки* (Ярос., Моск.), *корю'колки* (Ср. Урал.), *око'чушко* (Олон.) – *прятки*; *окору'кальцы* (Перм.), *войма'лки* (Свердл.), *кузми'рки* (Дон.), *оймо'вки* (Свердл.) – *жмурки* [17]). При этом синонимические параллели демонстрируют фонематическую, лексико-словообразовательную, лексическую вариативность и подвижность, свойственную русской диалектной речи (*зулю'кальцы* (без указ. места) – *курю'кальцы* (Сиб.); *зулю'чки* – *курю'чки* (Нижег., Влад.); *застука'лка* (Ворон., Дон., Урал., Яросл.) – *засту'чка* (Яросл., Пск.); *перегон'нка* (Смол., Калуж.) – *перегону'шки* (Пенз.); *гали'* (Олон., Яросл., Новг., Петерб.) – *га'ля* (Олон., Новг.); *кри'нка* (Костром.) – *кри'ночка* (Перм.) – *горла'чики* (Смол.) [Там же], *хоронушки* – *зулючки* [6, т. 4, с. 578]). Местные названия игр ярко отражают языковые особенности говоров разных диалектных зон. Например, от диалектного глагола *имать*, имеющего в северных говорах значение 'ловить'², образованы названия игры в жмурки с ареалом распространения на северных, северо-восточных и северо-западных территориях России: *и'мальцы, има'льцы, имальцы'* (Перм., Якут., Сиб., Амур., Новг., Камч. Волог.) [17, вып. 12, с. 188], *и'манки* (Перм.) [Там же], *и'мки* (Арх., Новг., север., вост.), *и'мочки* (Олон.) [Там же, с. 194], *и'мь* (Пск., Твер.) [Там же, с. 195], *и'малки, и'манец, и'машек, и'машки, и'мочки, и'мушки, и'ман* (Арх.) [3, с. 45]).

К экстралингвистическим факторам следует отнести многообразие игровой деятельности, обусловленное не только традициями, но и детской фантазией. Как свидетельствуют этнографы, при сохранении общего сюжета и правил крестьянские дети придумывали огромное количество местных вариантов игр [12]. В случае если придуманный вариант игры «приживался» и становился частью игрового фонда диалектного социума, то название игры пополняло словарь говора (*забо'й* – детская игра в прятки с палкой, в которую бьет очередной водящий, когда найдет товарища, причем кричит: «*К забою, к забою!*». Олон. [17, вып. 9, с. 262]);

¹ Здесь и далее ареальная характеристика приводится в сокращениях, принятых в первоисточниках, на которые дается ссылка.

² «*Стоит человек посередине, глаза завязаны – тот, кто ловит, иманко называли. Иманко – это ловить, имать, ловить как бы*» [3, с. 45].

Афана'с – игра в прятки. Перед тем, как прятаться, произносят считалку: «*Афанас, поди по нас, не имай нас, баушка у нас, на полке грош, меня век не найдешь*» (Арх., Урал.) [Там же, вып. 1, с. 293].

Диалектный словарь хранит информацию и о детских играх, которые были известны лишь на определенных территориях (например, *мокру'ша* – игра девочек, в которой проигравшую ударяют по лицу мокрой куделью, намотанной на лучину¹. Волог. [Там же, вып. 18, с. 212]).

Объединяющим признаком народных названий игр является их производность. Так, большинство диалектных номинаций детских подвижных игр образованы от глаголов, вербализующих основное действие в игре. Т. В. Бахвалова отмечает, что в их основе названия 1) действия субъекта (субъектов), которым является сам играющий (*пряталки, хоронюшки* (Орл.)); 2) действия, направленного на объект, которым является другой участник игры (*латки* – детская игра в салки, пятнашки на воде (от глагола *латать* – в детской игре: догнать одного и из участников игры и коснуться рукой) (Орл.)); 3) действия, направленного на объект, которым является предмет игры (*лавок* – игра в мяч двумя партиями; лапта (Орл.)); 4) действия субъекта, не направленного на объект (*сигучка* – детская игра, участники которой прыгали через сложенную в ворox одежду (Орл.)) [2, с. 91-92]. Разного типа субъектно-объектные отношения отражают многообразие игровых действий и деятельностный характер участников игрового процесса.

Деривационные связи отглагольных субстантивов-названий детских игр могут быть прозрачны и достаточно понятны большинству носителей русского языка (*лови'чки* – детская игра, в которой ловят друг друга, горелки. Калуж. [17, вып. 17, с. 101]; *кида'чки* – детская игра в бабки. Вят. [Там же, вып. 13, с. 200]; *по-сига'лки* – детская игра в попрыгушки. Липец., Ворон. [Там же, вып. 30, с. 155]; *ку'шанцы* – детская игра в гостей и хозяев. Забайкал. [Там же, вып. 16, с. 194]; *заплеу'ха* – детская игра. Две партии играющих прячутся; когда увидят кого-либо, то противная партия выскакивает из засады и старается побить кого-либо из партии ищущих. Кубан. [Там же, вып. 10, с. 328]; *хоронушки, хоронички, хоронки* – игра в прятки [6, т. 4, с. 578]) или требуют дополнительной информации для установления их мотивационных связей, так как ограничены диалектной лексической подсистемой языка (*гулю'кальцы* – игра в прятки [без указ. места] [17, вып. 7, с. 220]: *гулюкать*; кто гулюкает, ищет с завязанными глазами попрыгавшихся, переключаясь с ними словом *гулю* [6, т. 1, с. 417]; *има'лка* – игра в жмурки, в прятки. Костром., Перм., Арх., Свердлов., Вологод. [17, вып. 12, с. 189]: *имать* – ловить, залучать, хватать, брать [6, т. 2, с. 40]; *запятна'шки* – детская игра пятнашки. Ворон. [17, вып. 10, с. 374]: *запятнать* – в играх: пятнать кого мячом, рукой, салить, ударить, ожечь [6, т. 1, с. 645]; *мызга'лки* – игра в бабки на льду. *Играют мальчишки в мызгалки зимой на льду реки*. Чкал. [17, вып. 19, с. 50]: *мызгать* – кататься по льду на ногах. Твер. [6, т. 2, с. 371]). Безусловно, семантический маркер в номинациях такого типа – это действие, называемое мотивирующим глаголом. Но информационный объем отглагольных номинативов несравнимо больше, так как их функция – лексиколизировать целостное игровое действие (с определенными сюжетом, правилами, действиями), быть словом-заглавием игры как «акционального текста» [5, с. 12].

Большинство игр с предметами получили свое название по главному предмету, используемому в игре (*бигда'н* – палочка в детской игре в чижики и сама игра. Игра состоит в том, что бигдан кладется на другую палочку, помещающуюся в черту, и затем по бигдану ударяют палкой, а он летит за черту. Калуж. [17, вып. 2, с. 289]; *гала'нчик* – детская игра в камешки. Урал.; одни из маленьких шариков или круглых камешков, употребляемых детьми для этой игры. Саратов. [Там же, вып. 6, с. 105]; *ка'ра* – деревянный шар, которым играют дети. Олон.; детская игра с таким шаром, игра состоит в том, что дети щелкают шар палками и стараются попасть им кому-либо в ноги. Заонеж., Олон. [Там же, вып. 13, с. 63]; *коре'лка* – в детской игре небольшой деревянный брусок, который подбрасывают кверху и бьют палками; детская игра с использованием такого бруска. Олон. [Там же, с. 86]; *зо'ска* – детская игра. ...один из играющих сначала подбрасывает ее (зоску) кверху, а когда она под тяжестью свинцовой пуговицы падает вниз, играющий подбивает ее ногой опять кверху; употребляемый в игре кусок кожи с длинной шерстью (например, медвежьей), с внутренней стороны которого пришивается груз – тяжелая свинцовая пуговица. Вят., Байкал., Забайк. [Там же, вып. 11, с. 346]).

В названиях игр с выбиванием предмета частотна метафоризация зоонимов (например, *пы'жик* – детская игра чижик [Там же, вып. 33, с. 187]: *пыжик* – степной кулик, Charadrius [6, т. 3, с. 568]). По мнению И. А. Морозова, видимо, когда-то сам предмет (чурка или шар в играх типа: *чижик, муха, попа гонять*) персонифицировал зооморфный или антропоморфный образ, что сохранилось и в названиях игровых предметов (*чиж, бабка* и т.п.) [9, с. 220].

В уличных играх спортивно-состязательного типа выделяется подгруппа с актуализированным в названии локусом. Обычно это тоже игры с предметом (мячом, шаром и т.п.), но правила игры основывались на обязательном соблюдении локусных ограничений (*котёл* – детская игра в шар, который закатывают в вырытую в земле ямку. Астрах., Моск., Симб., Терск. [17, вып. 15, с. 101]) или четком разделении игрового пространства (*дом* – деревенская игра в мяч, род лапты. Луж. [Там же, вып. 8, с. 118]). Некоторые из таких игр были достаточно сложными и требовали от игроков физической силы и выносливости, поэтому это были игры детей предподросткового, подросткового возраста или молодежи (*кру'злый го'род* – игра детей

¹ «В некоторых волостях по реке Емба в Кадниковском уезде Вологодской губернии играли в “мокрушу”. В конце посиделок одна из девочек обходила подруг, собирая с каждой по клочку кудели. <...> Из полученной кудели, девочка делала “мокрушу”: обматывала один конец лучинки куделью наподобие кисточки. Затем она, взяв чашку с водой и “мокрушу”, обходила всех участников беседы, спрашивая их о чем-либо и стараясь рассмешить. Тот, кому не удавалось удержаться от смеха или даже от улыбки, получал намоченной “мокрушей” удар по лицу, так как вопросы именно для того и задавались. При том вся беседа помирает со смеху» [15, с. 64].

и подростков; иногда в ней принимают участие женатые. Играющие очерчивают большой круг, в который и входит по соглашению одна половина играющих. Другая половина уходит «прятать мяч»; затем все прятанные являются и ходят один за другим по черте круга. У кого спрятан мячик – неизвестно, и вся суть в том, чтобы подманить к себе участника противной партии и ударить мячом, или, как принято говорить, «упечь». <...> Упеченный выходит из круга. Петрозав., Заон., Олон. [Там же, вып. 7, с. 55].

Образные названия игр по персонажу (персонажам) характерны для драматизированных игр с сюжетом жизненных или фантазийных ситуаций. В ролевых играх обычно принимали участие девочки 7-12 лет и малыши. «Персонажами» их игр могли быть не только лица (сва'тьюшки – детская игра в сватовство. Липец., Ворон. [Там же, вып. 36, с. 222]), но и птицы (ко'ршун – детская игра. Дети становятся сзади изображающего наседку; изображающий коршуна бросается на них, дети разбегаются. Тул., Орл., Смол. [Там же, вып. 15, с. 36]); звери (медве'дь – детская игра. Дети подходят к медведю: – *Дедушко, медведушко, горох ворует*. И бегут, медведь ловит. Волог. [Там же, вып. 18, с. 66]), растения (ре'быш, реды'ш – детская игра, при которой дети изображают из себя редьку в момент созревания и уборки ее в сарай. Липец., Ворон. [Там же, вып. 30, с. 22]), предметы крестьянского быта (горла'чки – весенняя детская игра, в которой участвуют мать, дочь, кот и «горлачки»). Мать в поле жнет, а дочь охраняет горлачки от нападения кота. *Давайте в горлачки играть*. Смол. [Там же, вып. 7, с. 37]: *горлачик* – кринка, узкогорлый горшок для молока [6, т. 1, с. 390]); антропоморфные существа, известные детям по ритуально-обрядовым традициям (*Кострома'* – детская игра: женщина среди ребятшек, названная Костромой, притворяется мертвой, а потом вдруг вскакивает и распугивает детей. Тул., Брян., Орл., Ворон., Курск., Вят. [17, вып. 15, с. 82]). Нельзя не согласиться с исследователем восточнославянских игровых традиций М. В. Гавриловой в том, что наименования персонажей игр обычно обозначают их функции (например, *дети, горлачки* – объект нападения, *медведь, коршун* – агрессоры) и из реальности в игру попадают персонажи и события, которые способны выступать в требуемой по сюжету роли [5, с. 18-19].

Различные варианты догонялок с сюжетом часто сопровождалась более или менее развернутым текстом [15, с. 58], информация о фольклорных текстах такого типа тоже представлена в СРНГ (*за'юшка* – детская игра-хоровод, когда из круга старается выбежать тот, кто изображает зайчика. *Заюшка, батюшка, По пожарни ходила, Белы ножки томила*. Кубан. [17, вып. 11, с. 201]).

В качестве названий игр в СРНГ отмечены также слова/словосочетания, сопровождающие игровое действие или использующиеся в игровом фольклорном тексте (*зоря'* – детская игра, один из играющих отыскивает других, спрятавшихся в то время, как он бегал за заброшенной палочкой. Ищущий при этом старается, чтобы никто без него не прибежал к палочке и не постучал ею. Стуча палочкой, кричат: «*Зоря! Зоря! Зоря!*». Твер., Симб., Омск.; *баиш'* – детская игра в пятнашки, сопровождаемая возгласом «*баиш*». Перм. [Там же, вып. 2, с. 163]; *сорока* – игра в прятки. «*Сорока, сорока! Нету никого!*» – кричат дети водящему, когда спрячутся. Отсюда и название самой игры. Петерб. [Там же, вып. 40, с. 20]).

Единичны названия игр, в которых вербализована информация о количестве действий или предметов игры (деся'тка – детская игра с мячом, при которой мяч ударяется в стену. *Кон в десятку играть*. Урал. [Там же, вып. 8, с. 34]; *пяти'шки* – детская игра с пятью камешками. *Давайте в пятишки играть*. Дон. [Там же, вып. 33, с. 226]).

С точки зрения грамматических характеристик диалектным номинациям детских игр, как и другим словам гипергруппы «Названия игр», свойственно ограничение в образовании грамматических форм (отсутствие формы единственного или множественного числа), единообразии синтагматических связей, в большинстве случаев ограничивающихся моделью «глагол *играть* (или диалектный синоним) + предложно-падежная форма имени (чаще всего – во что <...>»¹) («*Он где-то в вышибалку играет*. Свердл. [Там же, вып. 6, с. 59]; *Давайте, ребята, в застучку играть*. Яросл. [Там же, вып. 11, с. 73]; *Пойдем гулять* (играть. – И. П.) *в класса*. Курск. [Там же, вып. 13, с. 334]; *Гуляли в гонки на выгоне*. Орл. [Там же, вып. 7, с. 7]) или «глагол *играть* + имя в форме творительного беспредложного падежа со значением образа или способа действия» (*о'жег* – детская игра в мяч двумя партиями. *Игра ожегом, играть ожегом*. Волог. [Там же, вып. 23, с. 74], *ко'лотом* – детская игра, в которой участники бьют кулаками водящего. Енис. [Там же, вып. 14, с. 178]). Особый интерес представляет употребление лексикализированных предложных форм в номинативной функции (*войма'лки* – игра в жмурки. Свердл. [Там же, вып. 5, с. 30], *вокорухо'льцы* – игра в жмурки. Перм., Урал. [Там же, с. 35]; *окару'кальцы* – в жмурки. *Давайте играть окарукальцы*. Перм. [Там же, вып. 23, с. 113]; *окра'ски* – детская игра. Свердл. [Там же, с. 162]; *окри'нки* – детская игра. Свердл. [Там же, с. 163], *оразлу'ки* – игра в горелки. Перм. [Там же, с. 326]), отмеченное преимущественно в пермских и уральских говорах.

Итак, диалектный словарь хранит информацию о богатом репертуаре детской игровой культуры. Многочисленность лексической группы «Названия детских игр» в русских говорах определяют синонимические параллели и многообразие игровой деятельности крестьянских детей. Лексическая, фонематическая, словообразовательная вариативность диалектных названий игр обусловлена их принадлежностью к разным историко-диалектным зонам и к разговорному реестру бытования.

К лингвистическим особенностям диалектных названий детских игр можно отнести, прежде всего, их производность и мотивированность: как и в общенародном языке, диалектные названия детских игр семантически мотивированы (действиями, персонажами, предметами, атрибутами игры) и в большинстве случаев образованы по модели метонимического переноса «часть – целое». Также их отличают яркая образность

¹ Об этом также писали Е. В. Брыкина и Т. В. Бахвалова [2, с. 91; 4, с. 56].

и метафоричность. В диалектной речи им свойственно ограничение в образовании грамматических форм и синтагматических связей.

Полагаем, что настоящее исследование вносит практический вклад в развитие диалектной лексикологии, в изучение информационного потенциала диалектных словников, расширяет базу знаний о традиционной игровой культуре русских крестьян.

Список источников

1. Баранов Д. А., Баранова О. Г., Зимина Т. А. Русские дети: основы народной педагогики: иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб, 2006. 566 с.
2. Бахвалова Т. В. Игровая лексика как фрагмент номинативного пространства орловских говоров // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сборник научных трудов. М. – Северодвинск: БИБКОН, 2017. Вып. 8. С. 87-94.
3. Бегунц И. В. Севернорусская диалектная лексика, связанная с детскими играми (на материале одного архангельского говора) // Славистика. 2014. Вып. XVIII. С. 41-47.
4. Брыкина Е. В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2003. 543 с.
5. Гаврилова М. В. Персонаж, мотив, сюжет в традиционных восточнославянских играх: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2017. 30 с.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. 723 с.; 1881. Т. 2. 807 с.; 1882. Т. 3. 576 с.; 1882. Т. 4. 704 с.
7. Игры народов СССР / сост. В. Н. Всеволодский-Гернгросс, В. С. Ковалева, Е. И. Степанова. М. – Л.: Academia, 1933. 563 с.
8. Мельников М. Н. Русский детский фольклор: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1987. 240 с.
9. Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре. Кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма. М.: Индрик, 2011. 352 с.
10. Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX вв.). М.: Индрик, 2004. 920 с.
11. Мухина З. З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М.: ИЭА РАН, 2012. 299 с.
12. Покровский Е. А. Дѣтскія игры, преимущественно русскія (в связи съ исторіей, этнографіей и гигиеной). М.: Типо-литография В. Рихтеръ, 1895. 368 с.
13. Поповичева И. В. Кластер-анализ лексической группы «Ребенок» в русских народных говорах // Мир науки, культуры, образования. 2015. Вып. 4 (53). С. 283-288.
14. Поповичева И. В. Образные номинации детей и подростков в русских диалектах (на материале «Словаря русских народных говоров») // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 4А. С. 106-119.
15. Слепцова И. С. Народные игры и использование их в воспитании // Русские народные традиции и современность / ред. Т. А. Листова. М.: Наука, 1995. С. 54-69.
16. Слепцова И. С., Морозов И. А. Не робей, воробей! Детские игры, потешки, забавушки Вологодского края. М.: Вологодский научно-методический центр народного творчества, 1995. 107 с.
17. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М. – Л. – СПб.: Наука, 1965. Вып. 1. 303 с.; 1966. Вып. 2. 315 с.; 1970. Вып. 5. 343 с.; 1970. Вып. 6. 359 с.; 1972. Вып. 7. 355 с.; 1972. Вып. 8. 369 с.; 1972. Вып. 9. 362 с.; 1974. Вып. 10. 388 с.; 1976. Вып. 11. 363 с.; 1977. Вып. 12. 368 с.; 1977. Вып. 13. 358 с.; 1978. Вып. 14. 376 с.; 1979. Вып. 15. 399 с.; 1980. Вып. 16. 376 с.; 1981. Вып. 17. 383 с.; 1982. Вып. 18. 368 с.; 1983. Вып. 19. 360 с.; 1987. Вып. 23. 375 с.; 1990. Вып. 25. 352 с.; 1996. Вып. 30. 384 с.; 1999. Вып. 33. 361 с.; 2002. Вып. 36. 344 с.; 2006. Вып. 40. 346 с.
18. Угрюмова М. М. Лингвокультурологический словарь детства (на материале говоров Среднего Приобья): в начале пути // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2017. № 3 (11). С. 24-25.
19. Шангина И. И. Русские дети и их игры. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 296 с.

**CHILDREN'S GAMES NOMINATIONS IN THE RUSSIAN DIALECTS
(BY THE MATERIAL OF "THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN FOLK DIALECTS")**

Popovicheva Irina Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
irinapopovicheva@mail.ru

By the material of "The Dictionary of the Russian Folk Dialects" the article considers the folk nominations of children's games. It is stated that the great quantity of the lexical group "nominations of children's games" in the Russian dialects is determined by synonymic parallels and diversity of folk ludic culture. Conclusions are drawn that lexical, phonetic, word-formative variation of the dialect nominations of games is conditioned by their belonging to different historical-dialectal zones and to the colloquial register of existence. Also, the analysis of the words in the group has shown: the folk nominations of children's games are characterized by bright figurativeness, metaphoricity, semantic motivation (by actions, characters, objects, attributes of the game); in dialect speech, they are limited in the formation of grammatical forms and syntagmatic relations.

Key words and phrases: children's folk games; Russian dialects; dialect nominations of children's games; semantic motivation; dialect variation.